

Новые книги

Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Авраамова Е.М. и др.; Под ред. Т.М. Малевой; Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф, 2003.

О ЧЕМ МЕЧТАЛИ СОЦИОЛОГИ...

Калимуллин Тагир Рашидович

доцент кафедры экономической социологии ГУ–ВШЭ

Email: mss011011@msses.ru

«Дерево – это дерево... Но дерево в устах Мину Друэ – это уже не просто дерево, это дерево приукрашенное, приспособленное к определенному способу восприятия, нагруженное положительными и отрицательными реакциями, образами, одним словом, к его чистой материальности прибавляется определенное социальное применение».

Р. Барт

«Не существует слова в каком-либо современном языке для описания этой группы, которая не является группой, класса, который не является классом, страты, которая не является стратой».

Р. Дарендорф

Наконец-то свершилось то, о чем так мечтали социологи¹ и сокрушались экономисты². Диалог между двумя дисциплинами (социологией и экономикой) налажен, причем не в ходе дебатов на страницах толстых научных журналов или дискуссий с высоких академических трибун, а в рамках одного исследовательского проекта, посвященного изучению российского среднего класса. Хотя список участников последнего может повергнуть в сомнение непосвященного социолога, который вправе задать вопрос: о каком диалоге может идти речь, если из десяти авторов монографии восемь являются либо кандидатами, либо докторами экономических наук? Присутствие же в списке авторов специалистов из областей математики и статистики, с которыми у социологии отношения еще более сложные, чем с экономической теорией, может показаться еще более обескураживающим. Хотим успокоить наших читателей: как минимум пять из десяти авторов, несмотря на экономические регалии, занимаются исследованием исключительно социологических проблем. А то, что проблема среднего класса является исследовательской прерогативой социологии, доказывать, наверное, не нужно. Но обо всем по порядку...

В данной работе сначала мы дадим оценку общему интеллектуальному фону, предшествовавшему публикации монографии, далее рассмотрим ключевые идеи работы,

¹ См.: [Радаев В.В. Экономическая социология: курс лекций. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 14–64.](#)

² [Сторчевой М.А. Быть таким, каков ты есть... Рецензия на книгу: В.В. Радаев \(ред.\) Экономическая социология: новые подходы к институциональному и сетевому анализу // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 2. С. 111-128.](#)

представим кратко факты, которые удалось обнаружить авторам в ходе реализации проекта, и подведем в заключении итоги, оценив значение рассматриваемой книги для российского академического сообщества. Анализируемая нами книга имеет характер коллективной монографии, тем не менее, в данной рецензии мы сочли необходимым дискутировать не столько с «принципалом», сколько непосредственно с автором каждого раздела. Для чего сделан этот нетрадиционный ход, станет ясно в ходе нашей дискуссии.

* * *

Российская социология начала 1990-х гг. отличалась тем, что у нее не было ни эмпирических фактов, позволяющих с цифрами в руках говорить о том, «сколько же классов в современном российском обществе», ни конвенциональных теорий или концепций, адекватно описывающих трудно поддающееся формализации чрезвычайно динамичное стратификационное пространство. О каких теориях или фактах могла идти речь, когда подавляющая часть российских социологов впервые открыла для себя классическую работу М. Вебера по стратификации только в 1992 г.? Положение усугублялось рядом обстоятельств, а именно:

- идеологической нагруженностью концепций среднего класса российского образца и сильным влиянием идеологического поля на стратификационные исследования, их политической ангажированностью³;
- методологическим плюрализмом, граничащим с плохо обоснованной эклектикой⁴;
- отсутствием *специфических* теорий и концепций, учитывающих особенности российской системы социальной стратификации⁵;
- заимствованием плохо согласующихся с российской системой социальной стратификации теорий и концепций, как правило, западного происхождения⁶;
- односторонним и крайне узким пониманием социально-экономических и политических функций среднего класса⁷;
- слабой эмпирической базой, отсутствием вызывающих доверие данных⁸;

³ См., например: *Семашко Л.* Молодой средний класс – гегемон опережающего развития и демократизации в России (тетрарный подход) // *Средний класс в России: прошлое, настоящее, будущее* / Под ред. Э.Г. Бурэ, М. Салазара, Б.В. Грызлова. СПб.: Санкт-петербургское философское общество, 1999.

⁴ См. обзор российских концепций среднего класса в книге: *Средний класс в России: количественные и качественные оценки.* М.: ТЕИС, 2000.

⁵ См., например: *Филиппов А.Ф.* Познание действительности и теоретическая коммуникация // *Pro et Contra.* 2000. Т. 5. № 4. <http://pubs.carnegie.ru/russian/>; *Радаев В.В.* Есть ли шанс создать российскую национальную теорию в социальных науках? // *Pro et Contra.* 2000. Т. 5. № 3. <http://pubs.carnegie.ru/russian/>

⁶ См.: *Филиппов А.Ф.* Указ. соч.; *Радаев В.В.* Есть ли шанс...

⁷ См., например: *Калимуллин Т.Р.* Конструирование мифа о среднем классе в России // *Векторы развития современной России.* М.: МВШСЭН, 2002.

⁸ См., например: *Гурова Т.* Дети поражения // *Эксперт.* 2001. № 23; *Гурова Т.* На старте российской мечты // *Эксперт.* 2001. № 45 (305); *Гурова Т., Медовников Д., Новиков А., Рогачков Д.* Новости национального потребления. Как и на что тратят деньги средние русские // *Эксперт.* 2000. № 5 (216).

- слабым использованием так называемых «продвинутых» методов анализа эмпирических данных, предпочтение одномерных и двумерных методов анализа данных более сложным статистическим процедурам и т.д.

К редким исключениям относятся исследования профессиональных российских и зарубежных социологов, экономистов и политологов, чьими усилиями была собрана огромная информация, которая отчасти легла в основу первого исследования коллектива авторов под руководством Т. Малевой⁹ по вторичному анализу данных¹⁰. Тем не менее, вслед за авторами рецензируемой книги следует признать, что и эти исследования не были лишены недостатков. Многие из них, на наш взгляд, были неизбежны в силу того, что исследования носили пионерский характер.

Во-первых, многие отечественные авторы исходили из неявной предпосылки о том, что в России должен сформироваться средний класс западного образца, чем в немалой степени способствовали формированию искаженной картины о российском среднем классе. Во-вторых, они отводили на процесс формирования среднего класса по историческим меркам чрезвычайно короткие сроки, благодаря чему в обществе сложилась некая ситуация ожидания: когда же, наконец, «появится» искомый средний класс. В-третьих, проводившиеся эмпирические исследования давали противоречивую картину: согласно одним оценкам, получалось, что среднего класса у нас ничуть не меньше, чем на Западе (60-80%), согласно – другим оценкам, его у нас вообще нет, потому что подавляющая часть населения относится к бедным слоям, и т.д.

Таким образом, в начале 2000 г. перед российскими исследователями стояла нетривиальная задача: в условиях сильного разброса мнений о природе и функциях среднего класса, его количественных и качественных характеристиках выработать методологию, которая, с одной стороны, учитывала бы многообразие критериев стратификации и решила проблему «раскола» между так называемыми субъективным и объективным подходами, оставаясь при этом нейтральной по отношению к давлению идеологического поля, и, с другой стороны, учитывала бы специфику системы стратификации российского общества.

Впрочем, положение исследователей в начале 2000-х гг. по сравнению с началом 1990-х гг. имело одно важное преимущество. Российскими социологами был освоен богатый западный опыт стратификационных исследований и накоплена значительная эмпирическая база о специфике российской системы социального неравенства. Весьма важно и то, что российская

⁹ См.: Средний класс в России: количественные и качественные оценки. М.: ТЕИС, 2000.

¹⁰ См., например: *Заславская Т.И., Громова Р.Г.* К вопросу о «среднем классе» в российском обществе // Мир России. 1998. № 4; *Ильин В.И.* Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917–1996 гг. Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т, ИС РАН, 1996; *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996; *Саблина С.Г.* Кристаллизация статуса средних слоев в современной России // Социологический журнал. 2000. №1–2; Средний класс в современном российском обществе. М.: РОССПЭН, 1999; *Тихонова Н.Е.* Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН, 1999; *Хахулина Л.А.* Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, ценностные ориентации // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. 1999. № 2; *Шкаратан О.И., Сергеев Н.В.* Реальные группы: концептуализация и эмпирический расчет // Общественные науки и современность. 2000. № 5; *Беляева Л.А.* Социальная стратификация и средний класс в России: 10 лет постсоветского развития. М.: Academia, 2001; *Дилигенский Г.Г.* Люди среднего класса. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002; Социальная стратификация современного российского общества / Под ред. З.Т. Голенковой. М.: ИС РАН, 1995.

стратификационная иерархия в определенной степени стабилизировалась, в результате чего появилась возможность выявить *структуру* и *типы действия* больших социальных групп – классов.

* * *

Монография начинается с **введения (автор В.В. Радаев)**, в котором анализируются расхождения между идеологическими и социологическими трактовками среднего класса.

Если подходить к проблеме среднего класса с жестких социологических позиций, то, согласно автору введения, оказывается, что наличие и масштабы среднего класса в сильной степени зависят от выбора стратификационных критериев. Поскольку этих критериев много, то все попытки объединить средний класс в единое целое являются необоснованными. Иными словами, среднего класса как единого целого просто не существует¹¹.

Однако до недавнего времени в российской социологии, публицистике и общественном мнении доминировали мифологические представления о среднем классе, т.е. схемы восприятия, оценивания и классификации, вырванные из другого исторического либо социокультурного (например, западной теории) контекста. Мифологизации среднего класса благоприятствовало:

- понимание под средним классом наиболее преуспевающих в материальном отношении групп, как правило, предпринимателей;
- приписывание среднему классу функций референтной группы. «Средний класс – это то, чем должна стать основная масса активного населения» [с. 17];
- приписывание среднему классу всех возможных позитивных качеств (от ключевого донора бюджета до основного гаранта социальной стабильности);
- приписывание стилевых и социокультурных свойств западного среднего класса российским средним классам. Принадлежать к последним – значить жить так, как живут на Западе.

Подобное мифологическое восприятие среднего класса – не новость. Аналогичная ситуация наблюдалась в 1950-х гг., когда на волне повышения общего уровня благосостояния населения в западных странах возникли концепции «общества среднего класса». Так, по мнению В.В. Радаева, на смену «темному» мифу о пролетаризации пришел «светлый» миф о среднем классе.

Трудно не согласиться с автором введения в том, что в западных обществах прогрессирующей поляризации населения на богатых и бедных не наблюдалось и не наблюдается. Но, по нашему мнению, доминирование среднего класса в социальной структуре, как это ни парадоксально, не снимает с повестки дня вопрос о возможности поляризации общества.

Если принять во внимание чрезвычайно модную нынче на Западе тему социальной эксклюзии, то проблема поляризации не может быть сведена к сугубо утилитарным вещам¹².

¹¹ Примечательно, что в начале 1970-х гг. советскими исследователями высказывались сходные идеи, но применительно к западному среднему классу [см.: Чаплыгин Ю.П. Миф о едином среднем классе. М.: Политиздат, 1970].

¹² См., например: Aqulnik, P., D. Le Grand, D. Piachaud, and J. Hills (eds.) *Understanding Social Exclusion*. Oxford: Oxford University Press, 2002; Byrne D.S. *Social Exclusion*. Buckingham [England]; Philadelphia: Open University Press, 1999.

Напротив, при увеличении среднего класса, ключевым ресурсом которого является образование, *вероятность того, что общество поляризуется, особенно возрастает*. Это подтверждается и статистическими данными. Так, на протяжении 1980-х гг. в США средняя почасовая заработная плата работников с докторской степенью возросла вдвое, выпускников вузов – на 13%, тогда как доходы окончивших школу упали на 14%, а имевших неполное среднее образование – на 18%.

В результате, по мнению целого ряда исследователей, в западных обществах формируется новая специфическая классовая структура, где «класс интеллектуалов», составляющих меньшинство населения противостоит «отчужденному классу». Данная ситуация является еще более взрывоопасной, нежели противостояние буржуазии и пролетариата. Во-первых, при таких условиях между классами отсутствует взаимодействие, мобильность (как восходящая, так нисходящая) становится ограниченной, стратификационная иерархия консервируется, поскольку эти классы, в отличие от буржуазии и пролетариата, уже не нужны друг другу. Во-вторых, представители отчужденного класса, в силу отсутствия формальных образовательных дипломов, уже не имеют прав претендовать на большую часть общественного достояния. В-третьих, образование и квалификация (точнее, знания) не могут быть приобретены только за деньги, а требуют больших интеллектуальных и, главное, временных затрат. Следовательно, принадлежность к классу образованных может принять наследственный характер, а положение низшего класса в этом смысле может стать вообще бесперспективным¹³.

По всей видимости, Россию в ближайшем будущем ожидает сходная перспектива. По крайней мере, тенденцию к этому авторы данного проекта уже зафиксировали (см. ниже).

Но вернемся к российскому среднему классу. Один из мифов о среднем классе, но уже в России, был разработан группой исследователей, объединенных под эгидой одного из авторитетных и наиболее читаемых российских изданий – журнала «Эксперт». В течение нескольких лет авторы проекта «Стиль жизни среднего класса»¹⁴ удивляли и продолжают удивлять академическое сообщество своими методами исследования и интерпретации данных, конструируя, как нам представляется, образ среднего класса, мало соответствующий действительности¹⁵. После критики новых мифостроителей в лице журнала «Эксперт» В.В. Радаев задается вопросом: «Нужны ли нам мифы о среднем классе?». Как это ни парадоксально, согласно автору введения, мифы не только нужны, но и полезны. Мифы о среднем классе необходимы потому, что из них может быть извлечена гамма образов (предпринимателя, частного инвестора, избирателя и т.д.), грамотное использование которых является залогом успешной политики и формирования консолидирующей общество идеологии. Задача исследователей в этой ситуации заключается в том, чтобы преодолеть политическую и идеологическую ангажированность и сконцентрироваться на существенных параметрах средних классов.

Раздел 1.1. «В поисках среднего класса: общие методологические подходы» открывает сюжет, проясняющий общий методологический подход коллектива (**автор Т.М. Малева**).

Со ссылкой на работу С. Дж. Роуза¹⁶ Т.М. Малева пишет, что «преобладающим подходом в современной западной науке является доходная стратификация, построенная на вычленинии

¹³ См.: *Иноземцев В.Л.* «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. 2000. № 6.

¹⁴ См. сайт проекта: www.middleclass.ru

¹⁵ См.: *Калимуллин Т.Р.* Политический выбор среднего класса и его конструирование // Векторы развития современной России. М.: МВШСЭН, 2003 (в печати).

¹⁶ См.: *Rose S.J. Social Stratification in the United States.* N.Y.: New Press, 2000.

групп по уровню материальных активов» [с. 29]. Если следовать логике автора, получается, что в современных стратификационных исследованиях доминирует экономический подход, поскольку экономист дает определение среднего класса «в терминах дохода или материальных активов» [с. 29]. В данном случае следует отметить, что в современных стратификационных исследованиях нет доминирующего подхода. С определенными оговорками можно говорить лишь о наиболее популярных концепциях (например, классовых схемах Дж. Голдторпа и Э.О. Райта), которые весьма далеки от указанного автором стратификационного подхода.

Далее автор пишет, что «исследований, в которых с равной степенью глубины расследовались бы проблемы идентификации среднего класса в терминах материально обеспеченности, социально-профессионального статуса и субъективных оценок, почти нет» [с. 29]. Представляется, западные исследователи социальной стратификации, как минимум, возмутились бы такой постановке вопроса. Действительно, исследовательская схема, предложенная в данной книге, существенным образом отличается от имевших место ранее. Тем не менее, это не означает, что многокритериальный подход, в том числе и с применением указанных выше признаков статусной позиции, ранее не применялся. Еще в 1930–40-х гг. не кем-нибудь, а широко известным У.Л. Уорнером был реализован проект, в рамках которого был разработан так называемый *индекс статусных характеристик*, включавший элементы названных выше критериев социальной стратификации¹⁷.

Несколько удивляет номинация М. Вебера в качестве «отца» теорий среднего класса [с. 30]. Если верить С.И. Солнцеву, то впервые на концептуальном уровне средний класс был рассмотрен еще в середине XIX в., а до того, как М. Вебер написал свою судьбоносную работу по стратификации, был опубликован не один десяток трудов, посвященных среднему классу¹⁸. Если быть предельно честным, то следует признать, что М. Вебер не разработал ни одной теории среднего класса. Его вклад в стратификационную теорию заключается в другом, а именно: в разработке концептуального аппарата для стратификационных исследований¹⁹.

Далее автор пишет, что вопрос использования того или иного термина (класса, слоя, сословия и т.п.) для описания средних классов имеет смысл «для сугубо теоретической и идеологической дискуссии» [с. 30]. Позволим себе не согласиться с этим мнением. Методология социологических исследований учит: различение концептуальных и операциональных определений чрезвычайно важно, как для теоретических, так и практических целей. Это означает, что любой термин, прежде чем быть интегрированным в какую-либо теоретическую схему, должен быть как можно четче определен и отделен от других категорий²⁰. Например, ни одному экономисту в голову не придет говорить о том, что категории рынка ценных бумаг, рынка товаров или рынка труда описывают одни и те же явления. Хочется верить, что между классом, статусной группой и тем более сословием [см. с. 262] различия все же сохраняются.

Впрочем, все эти замечания носят, скорее, уточняющий характер, ибо главная идея данной части работы состоит в ином – в авторском стремлении подчеркнуть, что все критерии

¹⁷ См., напр.: Уорнер У.Л. Социальный класс и социальная структура // Рубеж. 1997. № 10–11. www.socnet.narod.ru/rubez/archive; Warner L. *Yankee City*. New Haven: Yale University Press, 1963.

¹⁸ См.: Солнцев С.И. Общественные классы. Важнейшие моменты в развитии проблемы классов и основные учения. 2-е изд. Пг.: Богдановой, 1923.

¹⁹ Вебер М. Класс, статус и партия / Социальная стратификация. Вып. I. М.: ИНП, 1992.

²⁰ См.: Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований. М.: Аспект Пресс, 1995.

стратификации являются «равнозначными и равновеликими» [с. 30]. Отсюда выводятся основополагающие принципы исследования:

- нет смысла доказывать существование средних слоев, они не могут быть «уничтожены» (хотя здесь следует добавить, что такие примеры нам все-таки известны²¹), меняются только их размеры, характер и состав;
- строгих границ среднего класса не существует, поскольку средние классы – это совокупность разнородных групп;
- нельзя сводить проблему средних классов исключительно к определению их размеров, важен также их состав и формы активности;
- не имеет смысл рассматривать средние классы сквозь призму оценочной терминологии, важнее выявить объективные различия между средними и другими слоями.

Средние классы не могут быть описаны одним интегральным критерием. «Средние классы – социальная совокупность, характеризующаяся цепочкой признаков, к которым относятся: материальные ресурсные признаки» (уровень доходов, объем накопленных сбережений, уровень имущественной обеспеченности), «нематериальные ресурсные признаки» (образование, профессионально-квалификационная позиция, должностная позиция), самоидентификация (стратегии успешного экономического поведения, самооценки успешности адаптации и пр.). Социальные группы, составляющие средний класс, характеризуются разным уровнем концентрации признаков [с. 31].

По всей видимости, в данном случае приводится не определение среднего класса, поскольку без ущерба определению мы можем заменить термин «средний класс», на категории «низший класс», «высший класс», «элита», которые тоже могут характеризоваться разным уровнем концентрации указанных признаков. Скорее всего, в данном случае речь идет об определении социального класса. Впрочем, это не более чем наши догадки, поскольку никаких пояснений к этому определению не дается.

Смущает также и то, что движение в процессе познания классовой структуры начинается с определения не социального класса, а среднего класса. Что произойдет, если мы сначала дадим определение андеркласса или элиты, *выделим* их, и уже потом начнем примеривать их «одежки» по отношению к другим социальным классам?

Раздел 1.2. Средний класс по признакам материальной обеспеченности (авторы Л.Н. Овчарова, М.В. Михайлюк)

Существует много сторонников подхода, в соответствии с которым классовая структура релевантна распределению доходов домохозяйств. Авторы раздела принципиально не согласны с такой постановкой вопроса, прежде всего из-за отсутствия достоверных источников данных о доходах домохозяйств и распространенности феномена их сокрытия. Задача данной части работы состоит в том, чтобы построить интегральный критерий материальной обеспеченности на базе: текущих денежных доходов; накопленных сбережений; накопленного движимого имущества; наличия сельскохозяйственных животных; накопленного недвижимого имущества; имеющихся в распоряжении домохозяйства земельных паев, пастбищ и сенокосных угодий. В основе такого подхода лежит идея о том, что материально-имущественное положение домохозяйств определяется не столько текущими денежными доходами, сколько комплексом (концентрацией) материальных активов [с. 33, 34]. Под домохозяйством в данной монографии понимается

²¹ Трифонов И. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа (1921–1937). М.: Политическая литература, 1960.

экономическая семья, «в состав которой входят как объединенные, так и не объединенные родственными отношениями члены, проживающие на одной жилой площади и имеющие общий бюджет» [с. 35].

После довольно сложной процедуры оценки каждого из указанных выше параметров авторы приходят к выводу о том, что семьи, обладающие тремя и более из шести тестируемых материальных активов, могут быть отнесены к среднему классу по признаку материальной обеспеченности. Этому условию удовлетворяет 20,7% домохозяйств. Весьма важно, что в структуре среднего класса присутствуют не только городские, но и сельские домохозяйства, что еще раз опровергает тезис об отсутствии средних классов на селе. Шансы быть причисленным к среднему классу по материальной обеспеченности, судя по данным исследования, тесным образом связаны с профессионально-квалификационным статусом и уровнем иждивенческой нагрузки. Тем не менее, 18,8% домохозяйств, не попавших в средний класс, не имеют ни высокого уровня образования, ни квалификации, ни соответствующей самоидентификации. Последнее наблюдение, на наш взгляд, чрезвычайно важно, поскольку это позволяет существенным образом раздвинуть границы среднего класса по анализируемому критерию.

Повисает в воздухе «старый» статистический вопрос: «Три признака, по которым был выделен средний класс, это много или мало?» Что произойдет, если мы к количественным параметрам материальных признаков, добавим и качественные, косвенно определяемые в данном исследовании на основе определения даты приобретения домохозяйством того или иного предмета повседневного обихода? Не приведут ли эти новые итерации к изменению классовой структуры? Насколько правомерно говорить о представительности классовой структуры, когда из нее исключены вышестоящие группы (элита) и так называемый андеркласс?

При всей академичности и аккуратности работы с данными (что, кстати, характерно для всех разделов работы), в результате которой у читателя не должно остаться вопросов к процедуре их обработки, тем не менее, есть некоторые сомнения методологического характера. Можем ли мы говорить о том, что выделенные волевым усилием исследователей средние классы по материальному признаку и, как станет понятно в ходе нашего дальнейшего изложения, по другим параметрам, соответствуют «реальным группам», группам, характеризующимся сходными жизненными шансами, типами действия и, что еще более важно, сознания? Как мы увидим далее, между объектом данного исследования и реальными группами, над задачей обнаружения которых бьется не одно поколение социологов, выявится довольно высокая степень соответствия.

Раздел 1.3. Социально-профессиональный средний класс (автор В.В. Радаев)

Отвлечемся от параметров материальной обеспеченности и самоидентификации, которые, напомним, служат для авторов основными критериями выделения среднего класса, и перейдем к другому, не менее важному признаку классификации – социально-профессиональному.

Для выделения социально-профессионального среднего класса автор раздела использует следующие переменные: наличие/отсутствие высшего образования, наличие/отсутствие регулярной занятости; характер труда (физический/нефизический), наличие/отсутствие управленческих позиций. В итоге в средний класс попадают индивиды, обладающие высшим образованием, имеющие регулярную либо нерегулярную занятость (но не менее 20 часов в неделю), нефизический характер труда и либо возглавляющие (управляющие), либо имеющие в собственности малые предприятия. Этому условию удовлетворяют 15,7% индивидов. На семейном же уровне, когда становится значимым количество взрослых

представителей среднего класса в домохозяйстве (не менее половины), средний класс увеличивается до 21,4%.

Использование в качестве маркеров принадлежности к среднему классу высшего образования и характера труда возражений не вызывает. Хотя противников такого подхода найдется предостаточно, в целом нужно признать: высшее образование на статусной шкале располагается выше среднего специального и тем более общего среднего образования, а физический труд по сравнению с умственным менее престижен. Что же касается двух других критериев, то здесь ситуация намного сложнее.

Понятно, что регулярная занятость значительно повышает рыночные шансы индивидов и социальных групп. Однако не совсем ясно, почему с регулярно занятыми автор раздела объединил нерегулярно занятых. Аргументом для объединения такого рода является «достаточная нерегулярная занятость на рынке труда», т.е. не менее 20 часов недельной трудовой нагрузки. Означает ли это, что рыночные шансы (ключевой признак веберовского определения класса, которого, кстати, и придерживается автор раздела) обеих групп одинаковы? По всей видимости, нет. Тогда, может быть, у них сходны другие признаки? Однако включение этой группы в состав социально-профессионального среднего класса далее никак не поясняется.

Другой использованный автором критерий стратификации – наличие/отсутствие управленческих позиций – вызывает еще больше вопросов. Не совсем ясно, почему, используя этот критерий, автор выделяет малых предпринимателей, хотя для их выделения было бы более удачно применить другой критерий (наличие/отсутствие собственности). Кроме того, здесь возникает «старая» проблема: занятие управленческих позиций само по себе не является критерием власти (к измерению которой, по всей видимости, и стремился автор). Например, можно занимать должность управленца, но не иметь никакой власти, или не занимать никакой управленческой позиции и обладать всей полнотой власти, оказывая влияние на принятие важных решений в организации.

После проведения расчетов автор обнаружил, что к социально-профессиональному среднему классу на индивидуальном уровне относятся 28,2% респондентов, а на семейном – 28,3%. Результаты регрессионного анализа позволяют выделить основные параметры, определяющие попадание в социальное профессиональный средний класс на индивидуальном уровне. К этим признакам относятся: 1) культурный капитал; 2) физический капитал; некоторые элементы 3) экономического и 4) социального капиталов. Мы не имеем возможности описать все обнаруженные в исследовании факты, отметим только, что профессиональный средний класс по сравнению с нижестоящими в иерархии классами, согласно результатам исследования, обладает рядом весьма важных преимуществ, которые, в итоге, и предопределяют привилегированность его структурных позиций. К их числу относятся: высокий уровень доходов, имущественная обеспеченность, характер использования социального капитала, шансы на восходящую социальную мобильность и т.д.

Досадным промахом этой части работы, на наш взгляд, является отсутствие в анкете такого важного измерителя позиции социально-профессионального класса, как профессия. Между тем, введение в инструментарий этого признака позволило бы точнее определить, с одной стороны, степень консистентности классовой позиции средних классов, с другой – точнее дифференцировать структуру основных элементов классовой иерархии.

Раздел 1.3. Субъективный средний класс (автор Е.М. Аврамова)

То, что использование «субъективных» шкал в стратификационных исследованиях приводит в итоге к значительному увеличению доли среднего класса, является известным фактом, характерным не только для России. Однако, как совершенно верно отмечает автор этого раздела, самоидентификацию «нельзя однозначно рассматривать в качестве признака

принадлежности к среднему классу... Это лишь отражение представлений респондента о современном обществе и своем положении в нем относительно других социальных групп» [с. 145].

Е.М. Аврамова продолжает традицию, берущую свое начало с исследований уже упоминавшегося У.Л. Уорнера. Но в данном случае есть определенная специфика. При выделении среднего класса, как и в предыдущих разделах, используется многомерный подход. В результате совмещения четырех шкал (номинальной семиступенчатой и порядковой девятиступенчатой, измеряющих позиции домохозяйств, а также аналогичной семиступенчатой и номинальной трехступенчатой, измеряющих индивидуальные позиции) было установлено, что к среднему классу относятся 39,3% домохозяйств, а к слоям ниже среднего, нижнему и высшему, соответственно 36,8, 23,8 и 0,1%. Из этого же раздела мы узнаем, что такие характеристики, как возраст, образование, материальная обеспеченность, занятость и региональная специфика, влияют на самоидентификацию, прежде всего, средних классов.

Озадачивает использование автором неустоявшихся и, главное, несущих оценочный характер, терминов без определения. В частности, такие категории, как «статусная деградация», «ролевые статусные позиции» [с. 155, 187], «плохие профессионалы» [с. 155, 187], «нормальные каналы социальной мобильности» [с. 186], требуют, как минимум, дефиниций и пояснения.

Ряд выводов, сделанных в этой части работы, имеют противоречия с сюжетами из других частей книги. Так, делается вывод о том, что «отсутствие высшего образования существенно снижает шансы подняться выше среднего слоя» [с. 187], хотя несколько ранее говорится о слабом влиянии социально-профессионального потенциала (одним из элементов которого является образование) на адаптационные стратегии [с. 159]. И в то же время мы читаем: «... респонденты, которые относят себя к высшему и среднему слоям, оценивают свой статус, исходя из таких критериев, как профессиональный, образовательный и должностной уровень» [с. 164].

На наш взгляд, этого противоречия можно было бы избежать, если бы автором были продемонстрированы и прокомментированы результаты регрессионного анализа, о котором говорится в тексте [с. 163]. Однако в последнем мы видим только двухмерные распределения, что весьма удивительно, поскольку одной из авторских задач является оценка влияния «различных независимых переменных на вероятность принадлежности респондентов к тому или иному слою» [с. 160]. Представляется, что для таких оценок существуют более основательные и, главное, соответствующие поставленным задачам методы анализа.

Следует сделать замечание относительно использования шкал. В частности, в начале раздела предполагается, что применительно к домохозяйствам автором будет использована четырехступенчатая шкала [с. 149]. Однако в дальнейшем эта шкала несколько раз преобразуется то в пятиступенчатую [с. 150, 151], то в трехступенчатую [с. 165], то в семиступенчатую [с. 177]. Подобные трансформации, как представляется, затрудняют чтение текста и понимание излагаемого материала.

Автор говорит о слабой представленности высшего класса в выборке. По всей видимости, можно было бы отказаться от анализа этих групп в силу статистической нерелевантности и не давать сравнительных оценок.

Говоря о динамике общественного положения за десять лет для различных социальных групп, автор приводит данные о «позитивной социальной динамике», которая свойственна в основном тем, чей возраст 10 лет назад не превышал 30 лет [с. 179]. Если в отношении 25–30-летних респондентов еще можно быть уверенным в том, что они адекватно воспроизводят

свою (т.е. семейную) классовую позицию, то в отношении 23–24-летних и тем более 21–22-летних такой уверенности нет вовсе.

Несмотря на все эти замечания, следует отметить, что предложенный автором подход является существенной интеллектуальной новацией. Как будет показано ниже, доминирование среднего класса в этом измерении будет серьезным образом нивелировано за счет «включения» в модель классовой структуры других критериев стратификации.

В разделе 1.4 «Средние классы в географическом пространстве России: поселенческий и территориальный аспекты» автор (Л.И. Ниворожкина), используя математические модели и вероятностные оценки, демонстрирует территориальную сегрегацию социальных классов в России, на эмпирическом материале подтверждая давно обсуждаемый на уровне теоретических дискуссий факт влияния социально-территориального фактора на распределение жизненных шансов людей в целом и попадание в средний класс в частности.

Раздел 2.1. Что такое обобщенный средний класс? (авторы Т.М. Малева, Н.Ю. Фирсова)

Напомним читателям, что в предыдущих трех разделах речь шла о выделении средних классов в соответствии с так называемой «одномерной» стратификацией. Даже эти «одномерные распределения» следует считать большим шагом вперед, позволяющим раскрыть специфику современной системы неравенства в российском обществе. Однако авторы не остановились на этом.

Модель классовой структуры заимствуется авторами из схем классификаций, принятых в так называемых теориях сегментации рынка труда (хотя ссылок на работы представителей этого направления в тексте мы не обнаружили). В итоге, согласно базовой выборке, распределение классов выглядит следующим образом (см. рис.).

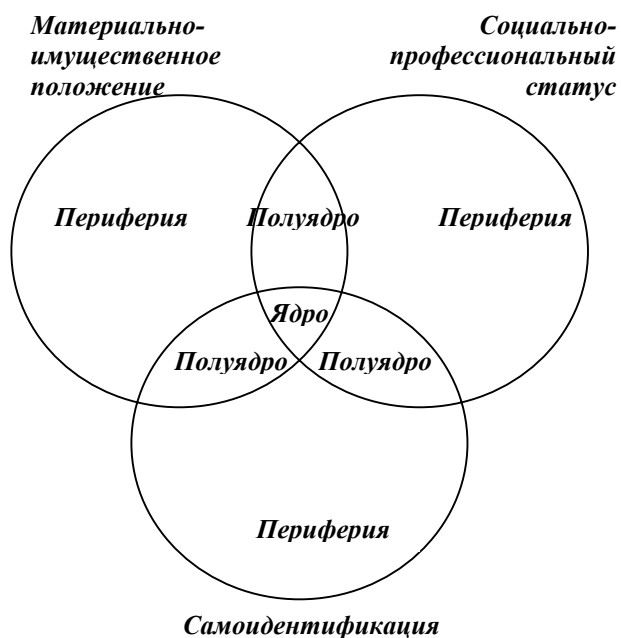
1. На пересечении всех трех полей, согласно концепции авторов исследования, находится *ядро* средних классов, т.е. домохозяйства, обладающие одновременно всеми тремя обозначенными выше признаками (6,9%).

2. Существуют сектора, образованные пересечением только двух полей. Эти сегменты образуют *полуядро* средних классов (12,2%).

3. Домохозяйства, обладающие только одним критериальным признаком, именуется *периферией* средних классов.

4. Наконец, сумма домохозяйств, у которой есть как минимум один признак среднего класса образует *совокупный* средний класс (52%).

5. Совокупность домохозяйств, которая имеет в своем арсенале не менее двух признаков среднего класса, называется *обобщенным* средним классом (19,1%).

Концепция авторов полностью удовлетворяет известному методологическому правилу: для того, чтобы теория была признана в среде профессионалов, она должна быть изящной, непротиворечивой и «эстетически красивой». Действительно, трудно найти аргументы

против обрисованной выше модели классовой структуры. Тем не менее, одно существенное возражение есть, и оно касается принципа классификации обобщенного среднего класса.

Почему авторы объединяют в обобщенный средний класс те домохозяйства, которые обладают двумя, а не, скажем, одним признаком среднего класса? Ответ исследователей таков: потому что домохозяйства, обладающие двумя признаками среднего класса, более похожи на ядро средних классов и имеют шансы приблизиться или даже войти в него, в то время как отрыв остальных групп от ядра значительно больше, и их шансы войти в него значительно меньше [с. 214].

Если следовать логике авторов, то при «стягивании» одних групп к ядру средних классов остальные элементы классовой структуры тоже должны были «подняться» выше своего настоящего положения. Подтягивая брюки, мы изменяем положение не только ремня, но и штанины. Представить иную картину довольно сложно. Обоснование описанной выше статистической операции должно было быть более аргументированным, нежели простая ссылка на сходство двух социальных групп. Это тем более важно, что в последующем большая часть статистических процедур будет осуществляться именно по отношению к обобщенному среднему классу.

Тем не менее, даже эта волюнтаристическая операция не «спасла» обобщенный средний класс от следующих авторских заключений: только треть образованных средних классов за годы реформ научились зарабатывать; только треть умеющих зарабатывать образованны; материальный достаток далеко не всегда является гарантией высокой самооценки; субъективный средний класс значительно шире среднеобеспеченных групп населения; образование и профессия не всегда являются основанием для высокой самооценки; субъективный средний класс существенно превосходит по размеру социально-профессиональный средний класс.

Все это, по мнению авторов раздела, свидетельствует, с одной стороны, о высокой неконсистентности критериев, по которым идентифицируются российские средние классы, а с другой – о незрелости социально-экономической структуры как самих средних классов, так и российского общества в целом [с. 222].

В разделе 2.2 «Средние классы и другие...» (авторы Т.М. Малева, Н.Ю. Фирсова) описывается эмпирическая модель классовой структуры российского общества, в которой низшие классы на момент опроса составляют 10,8% от базовой выборки, классы «ниже среднего» – 70,2% (в том числе «ниже среднего» без периферии – 37%, периферия средних классов 33,1%). Результаты анализа демонстрируют неоднородность структурных позиций не только средних, но и низших классов российского общества.

Раздел 2.3. Обобщенный средний класс в зеркале доходно-имущественных характеристик (авторы Л.Н. Овчарова, М.В. Михайлюк)

Напомним, что, по данным исследования, 20,7% семей имели материальные активы среднего класса. Из них в обобщенном среднем классе остались 13,4%. Это свидетельствует о том, что треть домохозяйств с доходно-имущественными характеристиками среднего класса потеряли данный социально-экономический статус. Однако 5,3% опрошенных домохозяйств, не имея соответствующих материальных активов, были причислены к среднему классу.

Выделенный обобщенный средний класс обладает значительными материальными активами, при этом ядро среднего класса аккумулирует большие материальные активы как в количественном, так и в качественном выражении. Исключение из числа среднего класса 7,3% семей с активами среднего класса и добавление 5,3% семей, не обладающих такими активами, не привело к ухудшению материальных характеристик. Напротив, по отдельным

показателям (например, по уровню доходов и сбережений) наблюдается рост средних характеристик. По мнению авторов, это значит, что часть домохозяйств с высокими доходами и сбережениями, оставшихся на втором уровне интегрального критерия материальной обеспеченности, теперь переместилась в средний класс. Более того, переход к трехмерным координатам среднего класса позволил сгладить некоторые методологические издержки интегрального критерия материальной обеспеченности [с. 233–234].

Раздел 2.4. Обобщенный средний класс и социально-профессиональный средний класс (автор В.В. Радаев)

Сравнительный анализ обобщенного и социально-профессионального средних классов дает возможность сделать довольно важный вывод: «треть семей социально-профессионального среднего класса обладает высокой степенью статусной неконсистентности, не попадая в обобщенный средний класс. И примерно по трети семей входят в полуядро и ядро средних классов (последняя группа характеризуется максимально высоким уровнем статусного соответствия)» [с. 242].

Регрессионный анализ показывает, что среди факторов, определяющих вероятность вхождения семей социально-профессионального среднего класса в обобщенный средний класс, выделяются место жительства (жители двух столиц имеют явные преимущества), пол основного кормильца семьи (там, где им является мужчина, шансы семьи на восходящую мобильность оказываются выше), возраст основного кормильца (чем моложе, тем шансы выше за исключением самой молодой группы – менее 30 лет).

Нижний средний класс демонстрирует достаточно скромные возможности – лишь менее пятой части семей попадают в полуядро обобщенного среднего класса. В целом можно заключить, что уровень статусной декомпозиции довольно высок. При этом различия между основными классами и по статусному уровню, и по степени статусной консистентности устойчиво воспроизводятся.

Раздел 2.5. Обобщенный средний класс в терминах самоидентификации (автор Е.М. Аврамова)

Согласно результатам исследования, «80% относящихся к низшим классам не признают значимости собственных усилий и рассчитывают в решении своих проблем на государство. В промежуточном социальном образовании (классе ниже среднего) уже вдвое меньше патерналистски ориентированных, а обобщенный средний класс явно предпочитает рассчитывать не себя» [с. 244–245]. На основании каких данных был сделан этот вывод, не совсем ясно. Представляется, что для последнего вообще нет никаких оснований, поскольку в инструментарии [с. 460–489] переменная, замеряющая патерналистские ориентации, попросту отсутствует.

Впрочем, остальные выводы, представленные в этом разделе, возражений не вызывают. В частности, обобщенный средний класс обладает явно большим адаптационным потенциалом, чем слои общества, расположенные внизу социальной лестницы. Последние (большая часть общества) располагают демографическими, профессиональными, мотивационными ресурсами, развитыми лишь в минимальной степени, что ограничивает возможность усилий, необходимых для успешной адаптации. Вместе с тем исследование показало, что высокий уровень развития адаптационных ресурсов характеризует далеко не весь обобщенный средний класс и даже не целиком его ядро. Однако, как полагает автор раздела, лишь в обобщенном среднем классе постепенно формируются позитивные тенденции социальной динамики российского общества [с. 247].

В разделе 2.6 «Пересечение средних классов в контексте поселенческой типологии» (автор Л.И. Ниворожкина) снова подтверждается факт влияния социально-территориальной стратификации на позиции социальных классов с той лишь разницей, что анализ этого влияния осуществлен с использованием довольно сложной и малораспространенной в отечественных стратификационных исследованиях статистической процедуры – логлинейного моделирования.

Раздел 3.1. «Образование как ресурс социальной мобильности» (автор А.А. Овчинников) условно можно назвать гимном высшему образованию. Несколько лет назад было принято считать, что образованные социальные слои не имели шансов продвинуться вверх по социальной иерархии. Однако результаты данного исследования демонстрируют обратную картину: доля лиц с высшим образованием в домохозяйствах ядра среднего класса в три раза выше, чем в целом по выборке, а доля лиц с учеными степенями выше в пять раз. Согласно данным проекта, представители ядра среднего класса обладают наиболее актуализированным, т.е. полученным сравнительно недавно образованием [с. 257–258].

Весьма важное заключение касается того, что представители ядра этого общественного образования являются детьми высокообразованных родителей, стремясь дать своим детям сходный или даже более высокий уровень образования. Более того, члены среднего класса по сравнению с нижестоящими социальными группами имеют более качественное образование за счет обучения в престижных учебных заведениях, расположенных как минимум в областных центрах. Например, почти на 80% ядро средних представлено людьми, окончившими школу в столицах, в республиканских, краевых, областных центрах или городах регионального подчинения [с. 262].

Еще более удивительно, но факт: средние классы воспроизводятся экономико-правовой и гуманитарной деятельностью [с. 264]. Средние классы обладают специфическими навыками, недоступными для большей части населения страны: они владеют как минимум одним иностранным языком и активно используют в повседневной деятельности «продвинутые» средства общения – Интернет. Все это в итоге сказывается на уровне доходов представителей среднего класса, который, например, у ядра средних классов по сравнению ближайшим социальным окружением выше в два раза.

Нельзя не согласиться с мнением авторов в том, что социальный разрыв по уровню образования нельзя преодолеть механическим наращиванием образования. Последнее, будучи кумулятивным и требующим значительных временных издержек феноменом, будет в значительной мере определять (если быть более точным, уже определяет) процессы социального исключения.

Из этого авторского заключения следуют, на наш взгляд, несколько важных выводов. С одной стороны, образование, и тем более высшее образование, совсем недавно считавшееся слабым и не приносящим доход активом, постепенно превращается в важный ресурс, отсутствие которого будет свидетельствовать о соответствующем социальном статусе. Так, на примере ядра среднего класса уже сегодня можно наблюдать то, как будет выглядеть консистентный статус «идеального представителя среднего класса». С другой стороны, система высшего образования, всегда являвшаяся механизмом воспроизводства известных социальных групп, с каждым днем все активнее будет вмешиваться в процесс конституирования социальной иерархии. Ни для кого не секрет, что образование требует значительных материальных издержек, а они, судя по последним тенденциям, будут только возрастать. Следовательно, уделом одних (немногочисленных групп) станет высокоинтеллектуальный и творческий труд, приносящий, кроме прочих благ, высокий уровень доходов, уделом других (массовых) групп – работа на вторичных рынках труда.

В данном случае мы, скорее всего, должны быть благодарны авторам книги за «возвращение» высокого статуса обладателям дипломов о высшем образовании, потерянного ими в закоулках экономических реформ 1990-х гг. Но одна, отнюдь не бодрящая мысль о людях, которые, возможно, никогда не будут иметь доступа к этому благу современной цивилизации, удерживает нас от выражения благодарностей.

Из раздела 3.2 «Активность на рынке труда» (авторы Т.М. Малева, С.В. Сурков) мы узнаем, что средние классы демонстрируют большую экономическую активность и больше тяготеют к предпринимательской деятельности. Для работников, относящихся к среднему классу, в большей степени характерна множественная занятость, тяготеющая к негосударственному сектору экономики. Наибольшая концентрация средних классов наблюдается в образовании, розничной торговле, строительстве, транспорте и здравоохранении. Хотя абсолютное большинство представителей среднего класса – это служащие и ИТР, доля лиц, занимающих руководящие позиции, здесь заметно выше, что естественным образом отражается на их заработках, в несколько раз превышающих оплату труда работников из нижестоящих социальных групп.

В исследовании не получили подтверждения ни тезис о том, что средние классы являются выходцами из теневого сектора, ни противоположное утверждение, что средние классы стремятся к легализации своего положения. Наиболее высокооплачиваемые представители среднего класса имеют только одно место работы, а оснований говорить о трудоголизме средних классов (хотя трудовые нагрузки у них несколько выше) нет. С точки зрения социальных гарантий со стороны работодателя, все страты находятся в относительно равном положении.

Раздел 3.3. Финансовое поведение (автор Я.М. Рощина)

С точки зрения технической оснащенности данный раздел, безусловно, является одним из самых сильных. По всей видимости, ситуация, когда отечественные социологи уступали своим западным коллегам по качеству представления и анализа статистических данных, постепенно становится достоянием истории.

Модели факторного и регрессионного анализов позволили автору раздела установить ряд важных зависимостей. Различия в способах финансового поведения между средним классом и другими слоями существенны – это касается и доходов, и сбережений, и страхования, и недвижимости. Хотя средний класс неоднороден по своим финансовым стратегиям, эта неоднородность не столь очевидна по сравнению с нижестоящими в иерархии группами. Более того, способы финансового поведения средних классов характеризуются большей стабильностью, они менее конъюнктурны и рискованны. Эти стратегии в большей степени ориентированы на перспективу, а не на реализацию текущих сиюминутных целей. Словом, перед нами возникает образ рационального экономического человека, для которого «использование социальных и частных трансфертов относительно невелико» [с. 313]. Последнее утверждение, на наш взгляд, противоречит предыдущим сюжетам книги, согласно одному из которых, включенность в сети взаимной материальной и трудовой поддержки более характерна для представителей именно среднего класса [с. 140].

Итак, средний класс – это класс имущих. Внутри средних классов четко выделяется ядро, члены которого активнее используют нетрадиционные для России способы умножения капиталов в виде валютных вкладов в коммерческие банки и ценные бумаги. Однако результаты исследования показывают, что практически весь сберегательный потенциал российского населения сконцентрирован полностью в среднем классе и особенно в ядре. В силу этого, действительно, «ожидать значительного увеличения численности средних классов в ближайшем будущем вряд ли следует» [с. 349].

В разделе 3.4 «Стиль жизни» (авторы Я.М. Рощина, С.В. Сурков) гимн позитивизму достигает своего апогея. Концепция стиля жизни и капиталов, заимствованная авторами у П. Бурдьё, переносится в плоскость измерительных процедур.

Мало кому, и не только в российской социологии, удавалось наглядно продемонстрировать дифференциацию стилевых и досуговых практик, как это сделано в данной части работы. Используя методы факторного анализа и кросстабуляции (который почему-то называется матричным моделированием), авторы обнаружили, что принадлежность к определенному классу «достаточно хорошо предсказывает вероятность различных стилей жизни. Эта взаимосвязь наиболее сильна для поля досуга» [с. 380].

Смушает только то, что операционализация форм капиталов (экономического и культурного) в данной части работы не соответствует аналогичной процедуре, предпринятой ранее в разделе 1.3. Более того, происходит смешение понятий «человеческого» и «культурного капиталов», когда для их выделения в разных частях коллективной монографии используются несходные параметры [ср. с. 110–119 и с. 354]. Конечно, у каждого автора могут быть свои трактовки тех или иных понятий. Но когда речь идет о коллективном проекте, представляется, что достижение общего понимания относительно категориального аппарата и, тем более, процедур операционализации должно быть достигнуто.

Раздел 3.5. Политическая и правовая активность (автор А.А. Овсянников)

Автор раздела обнаружил несколько особенностей политического и правового поведения средних классов. Во-первых, средний класс (точнее, 4,4% его ядра по сравнению с 2% остальных граждан) является (вернее, «считает себя») активистом общественного движения. Во-вторых, средние классы активны в профсоюзной деятельности. В-третьих, на выборах всех уровней активность заметна в двух стратах – ядре средних классов и слоях, имеющих статус ниже среднего.

Наиболее популярными формами защиты своих прав у населения является использование: 1) друзей, знакомых; 2) апелляций к руководству предприятий и организаций; 3) суда; 4) неформальных структур и авторитетных людей.

В целом раздел можно рассматривать в качестве бокового сюжета книги, поскольку никаких новых данных о политическом действии среднего класса по сравнению с исследованием, предпринятым, например, РНИСиНП в 1999 г. получить не удалось²². Удивляет также невнимание авторов к специфике потенциального и реального голосования, политических установок средних классов. Последние являются чрезвычайно важными элементами структурных позиций, позволяющими определить границы классов на уровне политического действия. В книге так много говорится о неконсистентности статусов средних классов, между тем, следует напомнить, что концепция статусной рассогласованности изначально была разработана Г. Ленски для измерения именно политических установок индивидов, обладающих разной степенью консистентности статусов.

Раздел 3.6. Обычные и инновационные практики (автор В.В. Радаев)

Под обычными практиками автор понимает типические действия людей, которые, с одной стороны, достаточно распространены, т.е. в них вовлечена значительная часть населения, с другой стороны, являются привычными способами действия, которые практикуются на протяжении жизни, как минимум, одного поколения. Под инновационными практиками понимаются типические действия людей, которые не слишком распространены, но уже

²² Средний класс в современном российском обществе: Сборник материалов / М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова, А.Ю. Чепуренко. М.: РНИСиНП, РОССПЭН, 2000.

достаточно заметны и в то же время являются новыми способами действия [с. 391]. Примером обычных практик является трудоустройство посредством непосредственного обращения к работодателю, а инновационных – поиск работы через Интернет или обращение к услугам частных рекрутинговых агентств. Автор выделяет четыре стадии освоения инновационных практик: узнавание; примеривание и индивидуальное освоение; групповое освоение; общее распространение.

В основе этой концепции, на наш взгляд, лежит элитистское толкование социальных изменений, что неизбежно сопровождается номинацией средних классов или, как минимум, ядра среднего класса, в качестве «передовой», «продвинутой» – одним словом, привилегированной группы. Сначала инновационные практики, будь то трудоустройство через Интернет либо приобретение и использование в инновационных практиках мобильного телефона и прочих благ цивилизации, характерны, прежде всего, для этой части общества. Затем эти блага, в силу их удешевления, распространяются в среде других социальных слоев, которые имитируют потребительские практики вышестоящих собратьев, объективируя феномен, названный в конце XIX в. Т. Вебленом «подставным потреблением».

Но по мере массового распространения тех или иных благ появляются новые блага (более мобильные средства связи, новые финансовые инструменты, новые формы досуга и проч.), которые снова монополизируются привилегированными группами и оказываются недоступными большей части людей. И дело здесь не в том, что инновационные практики не понятны узколобым «не имеющим» и «не посвященным» представителям нижестоящих социальных групп, а в том, что они недоступны в силу их дороговизны. В связи с этим вспоминается известное выражение М. Вебера: «“Дух благородства”, характеризующий положительно привилегированные статусные группы, естественно связан с их “бытием”, которое для них “удобно и прекрасно”. Их царство на земле. Они живут для настоящего, эксплуатируя свое “великое прошлое”. Дух благородства негативно привилегированных страт, разумеется, относится к их будущему, в основу которого должно лечь настоящее и определить будущее...»²³.

Какую роль в этом процессе играет обобщенный (т.е. обладающий как минимум двумя вышеуказанными признаками) средний класс? Поскольку это более молодая, хорошо образованная, лучше материально обеспеченная, живущая в крупных и столичных городах группа, очевидно, то в большинстве сфер, где мы можем наблюдать феномен инновационных практик (в данном случае трудоустройство через Интернет, предпринимательская, финансовая и кредитная активность, специфические формы досуга и проведения отпуска и т.д.), активность обобщенного среднего класса превышает аналогичный параметр более массовых слоев в несколько раз.

Добро пожаловать в средний класс!

В заключении (авторы Т.М. Малева, В.В. Радаев) кратко подводятся итоги исследования.

Итак, в исследовании был использован, как пишут авторы, *позиционный и деятельностный подход*, который существенным образом отличается от ценностного (связанный с выделением глубинных объективных интересов) и конфликтного властноориентированного подходов. По неизвестным нам причинам последний отождествляется исключительно с ортодоксальным марксизмом и частью его наиболее верных сторонников [с. 430], хотя

²³ Вебер М. Класс, статус и партия / Социальная стратификация. Вып. I. / Под ред. С.А. Белановского. М.: ИНХП, 1992. С. 31.

известно, что среди неовеберианской школы стратификации есть немало ярких представителей именно властного подхода²⁴.

Авторами был обрисован эскиз российской пирамиды социального неравенства. В чем ее специфика? Около 10% российских семей находятся в самом низу стратификационной иерархии. Положение этих домохозяйств определяется не столько бедностью (в терминах материальных активов), сколько отсутствием остальных значимых социально-экономических ресурсов. Драматизм ситуации в том, что эта группа в перспективе не имеет шансов изменить свое материальное и социальное положение.

Другая, полярная группа – высший класс, слабо представленный в выборке, ведет настолько закрытый образ жизни, что «российская социология не располагает инструментами оценки их численности и тем более величины активов и экономических ресурсов, которыми они располагают» [с. 432]. Но не они составляют основу стратификационной пирамиды.

Эмпирически размер средних классов (согласно терминологии авторов, обобщенный средний класс) составляет 20% российских домохозяйств. Более сложно определить статус остальных групп (более 70%). Среди них примерно половина (33%) обладают некоторым потенциалом средних классов, но его явно недостаточно, чтобы их считать «полноценным» средним классом. Произойдет ли ожидаемое перемещение этих групп в сторону ядра среднего класса или нет – этим и определяется успех социально-экономических реформ.

* * *

Итак, что означает появление этой книги для российского академического сообщества в целом и исследователей социальной стратификации в частности?

Во-первых, сформулирована если не теоретическая перспектива, то, по меньшей мере, новая методология исследования социального неравенства, которая претендует на статус исследовательской программы (И. Лакатос) и которую не стыдно показать нашим западным коллегам. Опровергнуть представленную выше теоретическую схему, которая близка к неовеберианской традиции, будет довольно сложно. Для этого потребуются либо слом всей социальной структуры, в силу чего она (схема) окажется просто неадекватной, либо построение новой исследовательской перспективы, что, учитывая специфику российского академического сообщества (имеется в виду снижение интереса к стратификационным исследованиям), выглядит весьма проблематичным.

Во-вторых, получены надежные данные, описывающие систему неравенства современного российского общества, с которыми можно будет работать в дальнейшем, поскольку они уже доступны для широкого круга исследователей на сайте [Единого архива социологических данных Независимого института социальной политики](#).

В-третьих, в исследовании продемонстрирована инновационная, т.е. не имевшая места ранее практика «извлечения» данных, включая выкладку инструментария на суд общественности и алгоритмы измерения и методы анализа. Последние могут активно применяться (если быть более точным, уже применяются) не только в исследовательской работе, но в педагогической практике.

В-четвертых, было показано, что крупные исследовательские проекты в настоящее время могут быть реализованы только благодаря усилиям исследователей, представляющих разные дисциплины. Это, как было показано выше, может привести к некоторым

²⁴ См., например: Dahrendorf, R. *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford: Stanford University Press, 1959; Миллс Ч.Р. *Властвующая элита*. М.: Иностранная литература, 1959.

неточностям (впрочем, весьма несущественным), но в итоге качество работы оказывается заметно выше.

Наконец, в-пятых, хочется верить, что благодаря этой книге экономисты, по крайней мере, в России, не станут испытывать аллергии, когда в научных тестах будут встречать термины «социальный» или «культурный капитал». Проект показал, что экономисты и социологи могут говорить на одном языке, главная проблема состоит в том, что они нечасто заглядывают к соседям, воспроизводя в текстах то, что принято называть «бритвой Оккама».

Сказанное не означает отсутствия проблем. Попытаемся их суммировать.

1. В исследовании не дается определения ключевых категорий – социального класса и среднего класса. То, что мы назвали определением (см. выше), таковым не является, поскольку оно может быть отнесено к любому элементу стратификационной иерархии.

2. Исследование начинается с измерения параметров средних классов и их сравнения с характеристиками других социальных классов, что является следствием отсутствия определения класса. При таком подходе не совсем ясно, действительно ли выделенный волевым усилием средний класс соответствует реальным социальным классам или является конструкцией *ad hoc*.

3. В исследовании реализован структурный и деятельностный подход безотносительно важнейших измерителей классовой позиции – власти и собственности. Если авторы следовали веберовской традиции, о чем в тексте заявлялось неоднократно, то они должны были исследовать жизненные шансы индивидов и домохозяйств в трех измерениях: экономическом, властном и престижном. Властный подход не может быть отождествлен, как утверждают авторы, с ортодоксальной марксистской традицией и его представителями. Власть и собственность являются ключевыми признаками, определяющими жизненные шансы в любом и тем более российском обществе.

4. Если авторы следуют логике веберовской традиции, то не ясно, почему без внимания остаются такие важные измерители статусной позиции, как престиж и профессия, примеры исследования которых были удачно продемонстрированы еще в 1980-х гг. В. Веселовским²⁵.

5. В исследовании в один (социально-профессиональный) класс объединяются и предприниматели, и наемные работники. Исследования показывают, что между этими сегментами средних классов есть существенные различия не только материального, но и идеологического плана. Их интересы, жизненные шансы и структурные, включая и властные позиции не могут не расходиться, поскольку если первые представляют нанимателей (в марксистской терминологии – «капитал»), то вторые – наемных работников («труд»).

6. В монографии не дано ясного обоснования причин объединения уже в рамках так называемого обобщенного среднего класса представителей ядра среднего класса и их ближайшего социального окружения. Логичнее было бы изменить статусные позиции и остальных социальных групп.

Вышеизложенное, несмотря на критические замечания, позволяет назвать анализируемую работу *лучшей работой по социальной стратификации, опубликованной в России*.

Кстати, мы забыли отметить еще одно важное достоинство книги – качество полиграфии. В отличие от других подобных томов, книга отпечатана на качественной бумаге и не распадается на отдельные листы при чтении уже третьей страницы. Так что приятного и познавательного всем чтения!

²⁵ Веселовски В. Классы, слои и власть. М.: Прогресс, 1981.